

Внешнеполитические связи Джунгарии: историографический аспект

Целью настоящего историографического обзора является выявление и описание новых явлений в историографии различных стран в изучении внешнеполитических связей Джунгарии.

В данной статье хотелось бы отметить некоторые особенности современного ойратоведения на примере работ китайских [1; 2], казахстанских [3; 4; 5], российских [6–11], американских [12] и японских [13] исследователей, работы которых увидели свет, начиная с 90-х гг. XX в.

Если рассматривать казахстанскую историографию, то становится понятным, что изучение исторических явлений в Джунгарском ханстве рассматривается преимущественно в контексте джунгаро-казахских отношений. Следует сказать, что многие вопросы по джунгаро-казахским отношениям затрагивались уже в 50–60 гг. XX в. в общих работах по истории Казахской ССР, т. е. работах советского периода. Как отмечает Р. Б. Сулейменов, в исследовании внешнеполитических связей Казахстана XVI–XVIII вв., в том числе в джунгаро-казахских отношениях, советская историография достигла значительных успехов. Были введены в оборот новые источники, расширился фронт исторических исследований, повышались их качество и методологический уровень. Однако остается еще много неизученных и спорных вопросов [5, с. 29]. Необходимость их решения сохраняется, принимая во внимание повышенный интерес к ним со стороны зарубежных (в т. ч. казахстанских) историков, стремящихся трактовать историю джунгарского народа исходя из современных политических конъюнктурных интересов. Примером может служить подвергшаяся критике В. А. Моисеевым, изданная в 1993 г. в Алма-Ате «История Казахстана с древнейших времен до наших дней», под редакцией академика Национальной академии наук Республики Казахстан М. Козыбаева. В. А. Моисеев

считает, что авторы данного труда в приведенной карте-схеме «Казахстан в XVIII веке» без достаточных на то научных оснований включили в состав казахских владений огромные территории Джунгарии, Сибири, Нижнего Поволжья [14, с. 87]. Он также констатирует, что «извращение истории взаимоотношений Джунгарского ханства с казахскими жузами и политики России в Центральной Азии свидетельствует о деградации казахской исторической науки, ее отходе от принципа объективности и научности при изучении и реконструкции явлений и событий прошлого, игнорировании достижений предшественников – подмене поиска истины вымыслами» [15, с. 168].

Однако следует отметить, что в среде казахстанских историков остаются и те, кто старается избежать мифологизации казахской истории, и пытается подойти к историческим событиям объективно. К таковым относят историков Р. Б. Сулейменова, И. В. Ерофееву.

Что касается методологического подхода в казахстанской исторической науке по данной тематике, то, как отмечает И. В. Ерофеева, «ко времени обретения бывшей Казахской ССР суверенного государственного статуса для казахстанских историков стали очевидны далеко не только отмеченные достижения советской исторической науки, но и ряд ее существенных пробелов в раскрытии истории взаимоотношений двух кочевых народов. К числу последних следует в первую очередь отнести поверхностный характер изучения многих казахско-ойратских войн XVII–XVIII вв., отсутствие точной пространственно-географической локализации их наиболее крупных и исторически значимых событий, в том числе победоносных сражений казахов с джунгарами в междуречье рек Буланта-Беляуты, на юго-западном побережье оз. Балхаш и в урочище Аныракай, увенчавших самую тяжелую и кровопролитную для них народно-освободительную эпопею. Во всех трудах, прямо или косвенно затрагивающих эту проблему, внешние границы земельных владений ойратов на территории Казахстана в конце XVII – первой половине XVIII в. показаны в самом общем и неопределенном виде без конкретного обозначения всей совокупности трансграничных рек, гор и холмов, отделявших в течение многих лет ойратские и казахские кочевья друг от друга, и различных изменений в географическом расположении казахско-ойратских рубежей в разные исторические эпохи. Кроме того, в исторической науке до сих пор не осуществлены выявление и последовательная систематизация разнообразных фактических данных о местах размещения кочевых ставок джунгарских ханов, главных джунгарских ламаистских сооружений и ограждавших их от соседних казахов передовых пограничных крепостей, что позволило бы четко определить основные географические пункты

дислокации крупных воинских подразделений ойратов в 20-х гг. XVIII в. и на этой основе более точно установить исторические ареалы главных сражений ойрато-казахской войны 1723–1730 гг.» [4, с. 80–81].

В то же время в казахстанском ойратоведении, а именно в исследованиях казахско-джунгарских взаимоотношений можно отметить новые методы исследований. Как известно, главная сложность изучения данной тематики кроется в том, что многие события этих отношений не нашли своего отражения в письменных русских и восточных источниках того времени, а у казахов подобной традиции передачи информации не было. Ограничиваясь устными произведениями казахского фольклора в комплексе с данными русских архивных материалов, записанных Левшиным А. И. («Описание киргиз-казахских... степей». 2-е изд. А., 1996) и Гавердовским Я. П. («Обозрение киргиз-кайсацкой степи» // Архив института истории РАН. Кол. 115. № 495), казахстанская историческая наука в этом направлении исчерпывает себя. Тем не менее, поиск дальнейших исследований привел к методу использования взаимодополняемых и взаимно уточняющих свидетельств различных гуманитарных и естественных наук. В связи с этим И. В. Ерофеевой было выделено четыре типа исторических свидетельств – документальные или письменные материалы, вещественные памятники, эмпирические и технотронные источники [4, с. 90]. Если первые два вида нам понятны, то последние два следует прояснить для понимания. По ее словам, «эмпирические источники – это репрезентативные результаты специальных научных исследований особенностей строения земли, ее растительного и животного мира и характера взаимоотношений природы и культуры. Этот тип источников включает в себя целую систему специальных знаний из области естественных и смежных наук, которая охватывает разнообразную информацию по четвертичной геологии, физической и экономической географии, геоморфологии, ботанике, зоологии домашних животных, этнической экологии, геoarхеологии, этнографии, этнологии и т. д.» [4, с. 98]. Технотронные источники, как объясняет И. В. Ерофеева, это «исторические свидетельства, полученные с помощью современных технических средств. К этому типу источников относятся наряду с аудио- и видеозаписями и обычными фотографиями людей и исторических памятников, фиксирующими в результате съемки на местности каждый материальный объект научного познания историка отдельно от окружающего его ландшафта и других памятников, аэроснимки и космоснимки крупных участков обследуемого геoarхеологического пространства, на которых запечатлена вся совокупность интересующих его предметов естественного и антропогенного происхождения» [4, с. 99].

В российской историографии, касающейся истории Джунгарского ханства также заметны изменения. Происходят совершенно неожиданные перемены, порой отрицаются базисные основы ойратоведения советского периода. Например, А. М. Пастухов [6] отрицает наличие геноцида 1756–1759 гг., учиненного Цинами в Джунгарии, несмотря на то, что И. Я. Златкин, Б. П. Гуревич, А. И. Чернышев признавали этот факт. А. М. Пастухов, подытоживая свою статью, пишет, что политика маньчжурского императора и последовавшие события 1755–1758 годов, сопровождавшиеся большими жертвами среди ойратского населения, являются не геноцидом ойратского народа, спланированным заранее, а всего-лишь реакцией маньчжурского императора Цяньлуна на восстание Амурсаны и ряда других ойратских представителей знати. При этом А. М. Пастухов указывая прежнюю численность населения ойратов, которая исчислялась в 200 тысяч семей, занижает количество человек в семье – ведь принято считать, что одна кочевая семья, в среднем, насчитывала 5 человек. Согласно тому подсчету, к которому прибегает А. М. Пастухов семья (кибитка) ойрата насчитывала в среднем около трех человек и могла включать только родителей и одного ребенка. Получается, что численность ойратов неуклонно сокращалась, они вымирали. Это не соответствует истине, поскольку источники сообщают о том, что ойратские племена испытывали земельную тесноту и нуждались в новых пастбищных угодьях [16, с. 55]. Но А. М. Пастухов, считает, что в одной семье было 3 человека, соответственно, занижает численность ойратского населения и останавливается на цифре в 600 тысяч человек. По его мнению, с 1760 по 1771 гг. ойратское население Джунгарии составляло чуть более 60 тысяч человек, а всех ойратов (в том числе и в Монголии) было 173 тысячи. Таким образом, данные этого автора существенно отличаются от ранее известных. Ойратов в Джунгарии осталось от 1-миллионного населения только 6%, а всего по всей Азии около 17,3 %. Но, поскольку А. М. Пастухов исходит из ошибочной цифры в 600 тысяч человек, то и процент выживших у него получается в 28 %. И даже такие огромные потери ойратского населения Джунгарии вследствие проведения политики Цинов им игнорируются, и, по А. М. Пастухову, проведенные жесткие меры в Джунгарии были лишь «реакцией, как и при подавлении восстаний других народов – гаошаней, китайцев, тангутов, мяо, монголов и уйгуров» [6, с. 26]. Хотя описанные им выше этносы не несли таких потерь, которые исчислялись в 82,7 % по А. М. Пастухову или 94 %, согласно другим ученым, умершими и пропавшими.

Нельзя обойти стороной совместный труд Л. А. Боброва и Ю. С. Худякова. Л. А. Бобров, являясь представителем новосибирской исторической науки, в которой сильны археологические методы исследования истории,

вносит новый взгляд на сущность Джунгарского ханства, показывая его феноменальную природу, которая не характерна для кочевого государства. Устойчивое развитие Джунгарского ханства было обусловлено, по мнению автора, тремя важными политическими, экономическими и социокультурными явлениями – сильной централизацией власти, модернизацией и милитаризацией. Ведь все степные народы, которые не могли противостоять натиску земледельческих империй, рано или поздно становились их частью. Джунгария же не только приостановила российскую и цинскую экспансию в регион Центральной Азии, но и по ряду направлений перешла в тактическое наступление. Однако, несмотря на успешное развитие единственной в мире степной державы, попытавшей соединить в себе традиционную кочевую экономику с новейшими производствами, характерными для оседло-земледельческих и урбанистических цивилизаций, этот процесс был оборван извне. Подытоживая анализ вооруженных сил Джунгарского ханства в контексте истории Джунгарии, Л. А. Бобров отмечает, что «История Джунгарии дала миру пример попытки кочевого общества приспособиться к меняющимся политическим и социально-экономическим реалиям Нового времени. Попытка вышла яркой, суровой и кровавой» [7, с. 603–604].

На русских архивных материалах строится монография В. Д. Пузанова [8]. Автор раскрывает русско-джунгарские отношения в контексте военных факторов русской колонизации в Сибири, в результате которых и происходили контакты джунгаров с русскими представителями Сибири.

Труды историков из Алтайского региона, в свою очередь, также имеют некоторые особенности. Одной из особенностей является то, что отдельные исследователи из Барнаула (Алтайский край) и Горно-Алтайска (Республика Горный Алтай) имеют принципиальные разногласия по вопросу оценки влияния Джунгарского ханства на южносибирские племена. Ученые Горно-Алтайска [9; 10] пишут о позитивном влиянии джунгаров на алтайцев (письменность, религия), а историки из Барнаула, наоборот, пишут о негативном характере отношений. Например, А. П. Уманский в заключительном слове своей статьи отмечает, что работа в архивах позволит «более полно и ярко осветить эпизоды героического сопротивления алтайцев своим ойратским угнетателям, их неустанной борьбы против чужеземного господства и тем самым нанести новый удар по попыткам алтайских националистов идеализировать эпоху Джунгарского господства на Алтае, рисуя ее как «золотой век» в истории алтайцев» [11, с. 16]. Г. П. Самаев попытался раскрыть причину отрицательного отношения официальных кругов Горно-Алтайской автономной области к ойратскому периоду истории алтайцев. Ее истоки восходят, по его объяснению, к докладной записке докторанта Института этнографии АН СССР Л. П. Потапова в Ойротский

обком ВКП (б) в 1944 г, в которой Л. П. Потапов высказал мнение, что «имя ойрот» служит алтайским националистам как орудие борьбы с советской властью. Таким образом, благодаря указанной записке, предварительно обсужденной и утвержденной в Институте этнографии, термин «ойрот» был прочно привязан к понятиям «алтайский националист» и «враг советской власти». Последовательная критика идеи исторического родства алтайцев с Ойротским государством была продолжена Л. П. Потаповым [9, с. 128] и продолжается его последователями и по сей день.

Небезынтересен факт того, что джунгарами, а если быть точнее, то джунгарским Галдан-Бошоку-ханом интересуются и в Италии. Дэйвор Антонучи (Davor Antonucci, Univ. "La Sapienza", Facolta di Studi Orientali, Roma) на основе мемуаров европейских миссионеров Жербийона и Томаса, писавших на латинском и французском языках и являвшихся свидетелями военных батальи между маньчжурским императором Канси и джунгарским ханом Галданом-Бошоку, пытается внести новые сведения о тех событиях и лицах [17].

Японские исследователи пока представлены Дж. Мияваки. Коллеги из Японии высказывают новое мнение, касающееся выработки и принятия ойрато-монгольских законов 1640 г. Дж. Мияваки отмечает, что съезд проводился где-то в Халхе, и был создан Дзасагту-ханом [13, р. 228].

Ойратская тематика в исследованиях американских ученых присутствует в работе Питера Пердю [12]. Следует отметить, что американские авторы прибегают к результатам анализа японских специалистов. Так, американский востоковед Питер Пердю разделяет ошибочное мнение Дж. Мияваки на предмет места проведения монголо-ойратского съезда 1640 г. [12, р. 107–108].

Однако монгольские и калмыцкие ученые утверждают, что данный съезд проходил в «сентябре 1640 г. в урочище Улан-Бураа на Тарбагатае во владениях влиятельного хошутского правителя Очирту-тайджи, которому впоследствии Далай-лама пожаловал титул Очирту Цэцэн-хан» [21, с. 80], и обосновывается данный вывод показаниями участников русского посольства М. Ремезова к джунгарам, а также приверженностью участников съезда монгольской традиции, которая заключалась в особом статусе «золотого рода» Борджигид, к которому принадлежали монгольские князья-чингисиды, а у ойратов таковыми являлись только хошутские князья, на чьих землях и проводился съезд [22 с. 14–18]. Есть еще мнение, что съезд проходил в местности Маниту Гатулга в Тарбагатайских горах [23, с. 176, 205], что также находится в Джунгарии.

Причину возможной ошибки в исчислении даты съезда 1640 г. рассмотрели в своей совместной статье Э. П. Бакаева и Э. У. Омакаева [24].

Китайские исследователи также отличаются неоднородностью мнений и огромным количеством работ по той тематике, которая напрямую или опосредованно затрагивает Джунгарское ханство. Следует отметить, что еще в XX в. в китайской историографии вышло значительное количество трудов по истории северных и западных регионов Китая, и, в частности, Джунгарии. Современный американский востоковед Питер Пердю даже подчеркнул, что, поскольку Тибет, Монголия и Синьцзян вместе взятые на данный момент составляют всего лишь 3,6 % населения КНР, то издание книг на душу населения получается намного выше, чем по истории любого другого региона Китая [12, р. 508]. По подсчетам китайских историографов, в период с 1900 по 1988 гг. по данной тематике были изданы 8031 статья, а также 7500 книг и статей по истории династии Цин, в период правления которой и произошло завоевание этих стран [18].

Некоторые представители современной китайской историографии (историки-монголоеды из г. Хух-Хото Автономного района Внутренняя Монголия КНР), исследующие историю Джунгарии, начинают признавать статус Джунгарского ханства как независимого государства XVIII века, что и представляет собой новый шаг в исследованиях, поскольку ранее в историографии КНР за Джунгарским ханством не признавался статус государства [19]. Однако такая объективность свойственна не всем подразделениям исторической науки КНР. Например, исследователи из Синьцзяна, используя цинский источник «Шилу», по-прежнему оперируют терминами цинской историографии по отношению к джунгарам, к примеру: «почтительность» («гун шунь»), «дань» («гун»).

Известно, что составители и редакторы «Шилу» всегда интерпретировали события в явно выгодном для династии свете, рассматривая и оценивая их через призму традиционных китаецентристских представлений, оправдывая и идеализируя политику правителей Китая. При переводе на китайский язык посланий от властителей других стран в хроникальные записи добавлялись выражения покорности, сами грамоты назывались «докладами», а послания императора оформлялись как «указы» от повелителя к вассалу, для чего употреблялся иероглиф «юй» («высочайшее повеление»), что не отражало реального положения дел. Походы цинских войск, например, в Джунгарию, Восточный Туркестан, Казахстан и Южный Алтай изображались как «умиротворение», «упорядочение» взбунтовавшихся вассалов, уничтожение «бандитов» [20, с. 19]. Действительно, исследовательский труд Ван Чэна за 2006 г. продолжает эту историографическую традицию, и сложное джунгаро-цинское противостояние в Тибете, Кукуноре и Хами в первой половине XVIII века рассматривается как джунгарская агрессия на подконтрольные Цинам территории [1]. Так

же становится наглядным и то, что характерной особенностью и современной китайской историографии, и традиционной классической, является моральная оценка лиц в русле схемы «похвалы и вины», то есть представление персонажей истории, как «очень хороших» и «очень плохих», например, Галдан-Бошигту-хана, трех Цэренов, Амурсаны и т. д. Выше упоминавшийся Пердю видит в подобной интерпретации исторических деятелей основные черты, присущие гоминьдановской историографии, которая выражается в вере в прогрессивную эволюцию посредством единения различных национальностей в едином государстве, моральной оценке исторических персонажей по стандарту этого единства, и тезисе, не оставляющем сомнения в том, что множество национальностей, составляющих современную китайскую нацию, всегда демонстрировали лояльность императорским режимам [12, с. 509–510].

Таким образом, литература по анализу исторических событий в Джунгарском ханстве обширна, и в ее части заметна подмена научного подхода пропагандистскими методами, хотя при этом имеется и научная литература, объективно отражающая историю Джунгарского ханства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ван Чэн. Шилунь Юнчжэн чао дуй Сиюй ды цзинин (О том как Юнчжэн ведал Западным краем) // Синьцзян дасюэ сюэбао. (Журнал Синьцзян. ун-та). 2006. № 34 (2). С. 55–59.
2. Мэнгу минцзу тунши. (Общая история монгольской нации). Т. 4. Хух-Хото, 2002. С. 164–190.
3. Ерофеева И. В. История формирования культового комплекса Тамгалытас (1677–1771 гг.) // Роль кочевников в формировании культурного наследия Казахстана. Научные чтения памяти Н. Э. Масанова: Сб. мат-лов Межд. науч. конф. Алматы: «Print-S», 2010. С. 490–530.
4. Ерофеева И. В. История казахско-джунгарских отношений XVII – середины XVIII в. с позиции междисциплинарного подхода: к постановке проблемы // Актуальные проблемы Центральной Азии и Китая: история и современность. Сб. науч. ст. памяти Б. П. Гуревича. Барнаул: Азбука, 2006. С. 53–110.
5. Сулейменов Р. Б. Внешнеполитические связи Казахстана XVI–XVIII вв. в советской историографии // Казахстан, Средняя и Центральная Азия в XVI–XVIII вв. Алма-Ата: Наука, 1983. С. 8–34.
6. Пастухов А. М. Ойратская политика Цяньлуна // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2009. № 2. С. 18–28.
7. Бобров Л. А., Худяков Ю. С. Вооружение и тактика кочевников Центральной Азии и Южной Сибири в эпоху позднего средневековья и раннего Нового времени (XV – первая половина XVIII в.). СПб.: Филолог. фак. СПбГУ, 2008. 776 с.

8. Пузанов В. Д. Военный фактор русской колонизации Западной Сибири (конец XVI–XVII в.). СПб.: Алетейя, 2010. 432 с.
9. Самаев Г. П. Значение джунгарского периода в истории алтайского народа // Алтай и Центральная Азия: культурно-историческая преемственность. Мат-лы Междунар. науч. конф. (г. Горно-Алтайск, 5–7 окт. 1998 г.). Горно-Алтайск, 1999. С. 127–132.
10. Самаев Г. П. Горный Алтай в XVII – середине XIX в.: Проблемы политической истории и присоединения к России. Горно-Алтайск: Горно-Алтай. отд-ние Алтай. кн. изд-ва, 1991. 256 с.
11. Уманский А. П. Борьба телеутов против ига джунгарских феодалов в 50-х гг. XVII века // Россия и международные отношения в Центральной Азии (регион. аспект). Сб. науч. ст. Барнаул: Изд-во Алтай. гос. ун-та, 2001. С. 5–18.
12. Perdue P. C. China Marches West: The Qing conquest of Central Eurasia. Cambridge; London, 2005. 725 p.
13. Miyawaki, Junko. Internal Rivalries in the Four Oyrad Tribal Federation // Ethnohistorische Wege und Lehrjahre eines Philosophen: Festschrift für Lawrence Krader zum 75. Geburtstag. Frankfurt am Main u.a.: Lang, 1995. P. 228–260 p.
14. Моисеев В. А. От какого наследия не отказывается современная казахская историография // Россия – Казахстан: современные мифы и историческая реальность. Сб. науч. и публицист. ст. Барнаул, 2001. 172 с.
15. Моисеев В. А. Русско-казахские и казахско-джунгарские отношения в XVII–XVIII вв. в освещении современной казахской историографии // Россия – Казахстан: современные мифы и историческая реальность. Сб. науч. и публицист. ст. Барнаул, 2001. 172 с.
16. Чернышев А. И. Общественное и государственное развитие ойратов в XIII в. М.: Наука, 1990. 138 с.
17. http://www.ouighour.fr/recherches_et_analyses/Antonucci_page_29.pdf
18. Циндай бяньцзыан Шидаи Луньчжо Соинь. (Указатель статей по истории границ династии Цин). Пекин, 1987. 150 с.
19. Кукеев Д. Г. Описание расположения ойратских этнических групп Джунгарии в современной китайской историографии // Проблемы этнической истории и культуры тюрко-монгольских народов. Сб. науч. тр. Вып. 2. Элиста: КИГИ РАН, 2010. С. 75–83.
20. Международные отношения в Центральной Азии. XVII–XVIII вв. Док. и мат-лы. Кн. 1. М.: Наука, 1989. 375 с.
21. Далай Ч. Ойрад Монголын туух. Тэргүүн боть. Улаанбаатар, 2006. 290 с.
22. Санчилов В. П. Историческое значение Джунгарского съезда монгольских и ойратских князей 1640 г. // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2009. № 2. С. 14–18.
23. Норбо Ш. Зая-пандита (Материалы к биографии). Элиста: Калм. кн. изд-во, 1999. 335 с.
24. Бакаева Э. П., Омакаева Э. У. Степное Уложение 1640 года: проблемы адекватности названия и датировки // Монголоведение. № 1. Элиста: КИГИ РАН, 2002. С. 101–103.